

Олег Лекманов

САМОЕ
ГЛАВНОЕ
О РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ
XX ВЕКА

IVII

Олег Андершанович Лекманов

Самое главное: о русской литературе XX века

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37388872

Самое главное: О русской литературе XX века / Олег Лекманов:

Rosebud Publishing; Москва; 2017

ISBN 978-5-905712-32-6

Аннотация

В этой книге под одной обложкой собраны новейшие статьи известного российского литературоведа, написанные им за несколько последних лет. Эти работы – увлекательные, почти детективные расследования скрытых сюжетов в поэзии и тайн переплетения литературы и жизни, отличаются разнообразием методологии.

Содержание

От автора	5
Четыре заметки к построению «читательской» истории литературы[1]	6
1. Диалог с читателем в русских журналах 1900-х – 1910-х годов	6
2. Пометы неизвестного на книге К. Бальмонта «бУдем как солнце»	23
3. Некто читает Кузмина	32
4. «Автора тошнит стихами по всякому поводу» (И. Ильин читает А. А. Блока)	39
Баратынский и старшие модернисты. Попытка обобщения[2]	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Олег Лекманов

Самое главное: О русской литературе XX века

Рецензенты:

доктор филологических наук Н. А. Богомолов,
профессор университета Южной Калифорнии А. К. Жол-
ковский

Редактор-составитель Андрей Бореико
Оформление Филиппа Нуруллина

От автора

Название этой книги расшифровывается просто: мне действительно захотелось собрать под одной обложкой свои главные статьи нескольких последних лет, исключая только вошедшие в мой предыдущий сборник «Поэты и газеты» (М., 2013). «Чтобы самому хоть немного нравилось» – вот единственный критерий отбора, которым я руководствовался, и он многое (почти все!) предопределил в составе этой книги.

Во-первых, она получилась небольшой (хорошенького понемножку); во-вторых, методологически, стилистически и тематически – очень пестрой. Хочется надеяться, что некоторое естественное единство статьям этого сборника все же присуще.

Посвятить его хотелось бы студентам и преподавателям Школы филологии гуманитарного факультета НИУ ВШЭ, где я преподаю со дня основания в 2011 году.

Четыре заметки к построению «читательской» истории литературы¹

1. Диалог с читателем в русских журналах 1900-х – 1910-х годов

Как русские журналы начала XX века взаимодействовали с читательской аудиторией? Разумеется, в нашей первой и короткой заметке мы не беремся исчерпывающе ответить на столь глобальный и требующий освоения огромного материала вопрос.

Зато в наших силах попытаться наметить некоторые *типовые* варианты ответа. Выберем (почти наугад) из пестрого спектра отечественных изданий 1900-х – 1910-х годов три журнала с заведомо разными целевыми аудиториями и художественными программами, а затем внимательно проштудироваем комплекты отобранных журналов за тот год, когда они начали выходить, и проследим, какими способами редакторы и авторы налаживали (если налаживали) контакты с чи-

¹ Здесь и далее все ссылки на использованную литературу даются в конце каждой статьи.

тателями.

Наш выбор пал на: а). элитарный модернистский журнал «Новый Путь»; б). детский журнал «Тропинка»; в). предназначенный для массовой аудитории «Синий журнал».

1.

Первый, январский номер символистского «Нового Пути» за 1903 год открывается установочной статьей главного редактора Петра Перцова. В ней потенциальный читатель по крайней мере один раз подменен автором статьи. Перцов от имени читателя высказывает претензию к журналу и тут же, но уже от имени редактора, ее отводит: «“Это эклектизм”, скажет недовольный читатель. “Это – наше отношение к прошлому”, ответим мы»[1]. Такая подстановка себя на место читателя – ход для русских символистов неслучайный. Они стремились моделировать поведение своей потенциальной аудитории, не только объединяясь с сочувственниками, но и отсекая «недовольных».

В этой же программной статье Перцова сообщалось, что в «Новом Пути» будет функционировать специальный отдел «частной переписки», который «имеет явиться органом непосредственной связи журнала с читателями»[2].

В свою очередь, во вступлении к этому отделу, напечатанном в том же номере «Нового пути» и озаглавленном «От редакции», его будущая структура и принципы отбора мате-

риала для печати описывались так:

Этот отдел журнала предназначается для писем и сообщений, идущих из среды читателей. Он разделен на две части: в первой будет помещаться материал теоретического характера (обсуждение общих вопросов философии, религии, политики, литературы и т. п.); во второй – сообщения, касающиеся частных явлений практической жизни.

Обычные вступления и окончания писем, а также обращения личного характера опускаются.

На письмах необходимы (для сведения редакции) имя и адрес автора. Анонимные сообщения уничтожаются. Нелитературностью изложения просят не стесняться, так как придание материалу литературной формы составляет задачу редакции[3].

Здесь обращают на себя особое внимание два не вполне тривиальных пункта, вновь свидетельствующие о стремлении модернистской редакции «Нового Пути» не столько найти общий язык с читателем, сколько навязать читателю собственное представление о его, читателя, идеальном тексте, годящемся для публикации в журнале. Наверное, можно говорить даже о притязаниях редакции «Нового Пути» найти адекватное языковое воплощение для смутных чаяний еще не научившегося новому языку читателя, безжалостно отбраковывая все лишнее, не имеющее прямого отношения к главному, по-настоящему важному. Поэтому редакция (1) взяла на себя право «литературной» (то есть языковой) об-

работки присылаемых читателями материалов и (2) объявила, что не станет печатать «обращений личного порядка», а также «обычных вступлений и окончаний писем».

«Натолкнуть читателя на более культурные предпочтения, чем те, к каким он традиционно привык к 1903 году», – так Петр Перцов ретроспективно изложил художественную и идеологическую программу своего журнала[4]. Чрезвычайно энергичный, подразумевающий некоторое насилие над читателем глагол «натолкнуть», употребленный в этом мемуарном пассаже, очень точно передает господствовавший стиль взаимоотношений редакции с аудиторией «Нового Пути».

Весьма характерно, что первым материалом, опубликованным во все том же, дебютном номере журнала за 1903 год в разделе «Частная переписка», стал текст «По поводу книги Д. С. Мережковского “Л. Толстой и Достоевский”. Отрывок из письма», автором которого значился некий «студент-естественник». За этим псевдонимом скрылся Андрей Белый, который никаким *просто* читателем для Мережковских и Перцова в это время, конечно, уже не был, да и само это письмо-рецензию на книгу «Л. Толстой и Достоевский» Белый отправил Мережковским еще в начале 1902 года. «Они показывали его Розанову и он-де нашел его гениальным, – вспоминал Белый многие годы спустя. – Впоследствии часть письма с выпусчением центральных, так сказать, эсотерических мест была напечатана в “Новом Пути”»[5]. То

есть отдел «Частная переписка» открылся текстом, уже утра- тившим статус личного письма, текстом-образцом, сразу же поднявшим планку разговора читателей и редакции на необ- ходимую для отдела теоретическую высоту и задавшим тон всего последующего разговора. В вышедших далее в 1903 году номерах «Нового Пути» под видом читательских писем были напечатаны тексты Александра Бенуа (обозначенного как «художник А. Б.») и Александра Блока.

Отчасти сходную игру вел на страницах журнала Перц- ова и Мережковских Василий Розанов, в распоряжение кото- рого был предоставлен специальный отдел «В своем углу». В заметке «От автора», предварявшей первый, февральский выпуск этого отдела, Розанов сначала анонсировал «введе- ние» в него «частной переписки»[6], а затем при помощи простой метафоры объяснял, какого эффекта намерен доби- ваться, сшивая целое подведомственного ему куска журнала из отдельных, разрозненных фрагментов:

Этот отдел расширяет рамки обыкновенного журнального сотрудничества и в некоторых отношениях приближает литературу к тому безыскусственному, свободному и разностороннему обмену мнений, который составляет преимущество разговора между друзьями в кабинете перед объяснением с публикою на эстраде[7].

Метафора Розанова ясно демонстрирует, что разговор в отделе «В своем углу» предполагалось вести между людьми

одного круга, то есть между теми, кто сначала пройдет негласный отбор для пропуска в «кабинет». Остальным же читателям отводилась роль «публики», терпеливо дожидаясь выхода «друзей» «из кабинета» для педагогических «объяснений» «на эстраде».

2.

Знакомство с детскими журналами советского времени (в первую очередь, с замечательными ленинградскими изданиями, которые курировали Самуил Маршак и Николай Олейников) твердо приучило нас к тому, что стремление завязать контакты с маленькими читателями и тем самым активно вовлечь ребенка в процесс создания журнала явственно прослеживается едва ли не в каждом материале каждого номера. В случае с находившимся в орбите символизма «журналом для детей» «Тропинка» (первый номер вышел в январе 1906 года) подобные ожидания не оправдываются. Здесь изредка имитировались реплики, напрямую обращенные к читателю, но на деле ответная реакция не предполагалась и никакого пространства для высказываний ребенку на страницах «Тропинки» предоставлено не было.

Примером такой односторонней, не рассчитанной на ответ реплики может послужить зачин написанного специально для этого журнала стихотворения Сергея Городецкого «Весной»:

Хочешь, сказку тебе расскажу
Про колдунью, про бабу-Ягу
Костяную ногу?[8]

Ответ ребенка в стихотворении далее не приводится, так что заданный вопрос повисает в воздухе.

Риторические апелляции к читателю содержатся также в трех претендовавших на занимательность очерках, помещенных в номерах «Тропинки» за 1906 год[9].

Автор научно-популярной заметки «Зеркало» (перевод с английского) вступает в контакт с условным читателем следующим образом: «Вы можете представить себе, как была рада молодая женщина, когда увидала, что муж ее вернулся домой здоровым и невредимым...»[10].

Заглавный персонаж очерка «История одного австралийского кенгуру (рассказана им самим)» (перевод с немецкого) несколько раз заговаривает с читателем так:

Однако, кажется, я собрался рассказывать, а между тем, по всем правилам хорошего тона, мне необходимо прежде всего вам представиться<...> Постараюсь описать вам его, насколько могу ярко <...> Если у кого-нибудь из вас явится желание навестить меня на Муруби, я буду очень и очень рад. Милости прошу! Только уж, пожалуйста, без собак и без ружей. И еще прошу вас, на всякий, случай, не подходить чересчур близко[11].

Дважды напрямую обращается к читателю и автор очерка «Знакомство с природой»: «Вглядитесь в распускающиеся на деревьях почки»[12] и «Если же кроме рисунка насекомого вы хотите изучить еще и его жизнь, то фотографируйте насекомое непременно в привычной ему обстановке»[13].

Но никаких ответных реплик от ребенка и в этих трех случаях не ожидалось.

Не вполне привычно для читателей отечественных детских журналов советской поры выглядит тот раздел «Тропинки», в котором публиковались всевозможные шарады и задачи. Во-первых, имена и фамилии детей, приславших правильные решения, не оглашались, да и сама возможность присылки в редакцию вариантов решения не предполагалась[14]. Во-вторых, условия задач и ребусов часто формулировались без прямых обращений к отгадчикам, как будто специально, чтобы избежать прямых контактов с ними: «Задача, которую мы предлагаем в этом № нашим читателям...»[15] (не – «тебе, наш читатель»), «Най*ти* шесть слов, из первых букв которых...»[16] (не – «най*ди* шесть слов...»), «Переменить место букв в каждой из данных частей...»[17] (не – «перемени место букв...») и тому подобное.

3.

Уже первый номер массового «Синего журнала», вышедший в декабре 1910 года, открывался многообещающей за-

меткой от редакции – «К читателям»[18]. Однако на деле это обращение было *псевдообращением*, поскольку прямых апелляций к читателю не содержало. Более того, на протяжении всего текста об адресате обращения редакции говорилось исключительно в третьем лице: «Просматривая журнал, читатель должен увидеть перед собою отражение жизни всего земного шара» и т. д.[19]

Во втором номере (январь 1911) попытка завязать непосредственные контакты с читателями все же была предпринята – редакция объявила «постоянные конкурсы остроумия», попросив

читател^{ей} предложить ответы на помещаемые выше вопросы. Наиболее остроумные из этих ответов будут напечатаны, причем, авторам трех, признанных редакционным жюри наиболее удачными, шуток в виде премии будет посылаться бесплатно годовой экземпляр «Синего журнала» (или, по выбору, отдельные издания «Сатирикона»)[20].

Тем не менее, в течение довольно долгого времени апелляции непосредственно к читателю на страницах «Синего журнала» встречались лишь эпизодически и носили настолько ситуативный характер, что говорить о какой-либо редакционной политике по вовлечению читателя в деятельность издания просто не приходится. Так, в 14 номере был помещен карандашный портрет полуобнаженной молодой дамы, сопровождавшийся следующей игривой подписью: «По-

жалуйста, поверните страницу, – мне нужно раздеться. Читатель!.. Ну же...»[21] А в 16 номере была опубликована немудрящая фотозагадка – несколько человек, повернутых к объективу спиной, а рядом – пояснительный текст: «Читатель за спиной этой группы может шипеть как угодно и высказывать свои догадки. Кто такие? Почему спиной? Что они там рассматривают? <...> В следующем № “Синего журнала” группа повернется лицом к читателю»[22]. В 17 номере это обещание было выполнено – группу (писателя Куприна и других известных личностей) развернули лицом к объективу.

Решительный шаг навстречу реальному читателю был сделан лишь в 21 номере за 1911 год. Тут появилось такое объявление «От редакции “Синего журнала”» (здесь и далее курсив в цитатах – редакционный – О. Л.):

«Синий журнал» в ближайших номерах открывает на своих страницах новый отдел, который будет заполняться сведениями обо всем, что только способен создать живой и пытливый ум. В этом отделе наряду с «кунсткамерой» *будут помещаться также сообщения наших читателей о всевозможных изобретениях, интересные разоблачения, оригинальные взгляды и гипотезы, воспоминания, жизненные курьезы и т. д. и т. д.*

Особым вниманием будет пользоваться материал, сопровождаемый соответствующими иллюстрациями (снимками, рисунками etc.) или привлекающий своей

эксцентричностью и новизной. Желательно также, чтобы сообщения отличались возможной краткостью. Рукописи не возвращаются[23].

Последнее процитированное предложение содержало косвенный призыв присылать в редакцию читательские рукописи.

Так в «Синем журнале» был заведен специальный раздел «Наш музей», печатавший заметки читателей, а также короткие, зачастую насмешливые письма-указания редакционных работников потенциальным авторам из читательской среды:

Отвечаем: Тверь. Самойлову. Ваша “блохоловка” пойдет вместе с другими мелочами. Москва. С-ну, Кишинев. – К-ко, Ломжа. – В-скому. – только не стихи! Тула. – Н-еву. – Вы, наверное, смешали “космическую пыль” с “косметической пылью” – рисовой пудрой... [24]

и прочее в том же духе. Однако этот раздел прекратил свое существование еще до окончания 1911 года, вероятно, потому, что редакция искала и находила другие, куда более нетривиальные способы взаимодействия с читательской аудиторией.

Специально «на конкурс читательской наблюдательности» для 37 номера «Синего журнала» за 1911 год был написан рассказ А. М. Оссендовского «Которая из четырех», оборванный на самом интересном месте следующим авторским пассажем:

Я прерываю рассказ и предлагаю читателям назвать таинственную незнакомку Леонида Петровича. При решении необходимо указать, на чем последнее основано. Имена отгадавших одну из четырех и представивших доказательные суждения будут напечатаны в «Синем журнале»[25].

В 41 номере были оглашены фамилии победителей и отгадка: «—Которая из четырех? – Анна Федоровна! (К рассказу на конкурс “читательской наблюдательности”)» (с. 7).

Удачный опыт был продолжен и развит в 44 номере, в котором появился рассказ Сергея Соломина «для конкурса читательской находчивости и остроумия» «Двуликий». Новация состояла в том, что теперь редакция обещала веселым и находчивым читателям не просто публикацию их имен и вариантов окончания рассказа Соломина, но и денежные премии: «Читателю, приславшему наиболее остроумное разрешение этого вопроса, будет выдана *премия в размере – 25 рублей*. На конверте отмечать: “Конкурс”»[26].

Количество читателей, откликнувшихся на это предложение, превысило все возможные ожидания редакции. В 48 номере были напечатаны разнообразные варианты окончания рассказа Соломина и объявлены победители, а открывалась подборка по итогам этого читательского конкурса заметкой под названием «Катастрофа»:

На редакцию «Синего журнала» обрушилась целая лавина. Письма, письма и письма! Дешевые лавочные

конверты. Конверты всех цветов радуги. Деловые с адресом конторы, фирмы, бюро. Изящные конверты, твердые, как слоновая кость, запечатанные сургучом с оттиском фамильного герба. Маленькие, узкие конвертики, сохранившие запах любимых духов корреспондентов...

– Сколько? – спрашивает редактор.

– Тысяча, полторы, две, три, четыре...[27]

Эта насыщенная гиперболами заметка все же с достаточной ясностью демонстрирует, что редакторские работники, разнообразными способами стремившиеся пробудить творческую энергию читательской аудитории, далеко не всегда оказывались способными разбуженной энергией управлять. Заглавие «Катастрофа», тем не менее, было чистым кокетством, иначе совершенно необъяснимым выглядит тот факт, что в 48 номере «Синего журнала» за 1911 год появилось редакционное объявление о новом читательском конкурсе, причем экономический фактор снова оказался задействованным, а ставки повышены:

Конкурс гримас. Мы предлагаем нашим читателям принять участие в устраиваемом «Синим журналом» «КОНКУРСЕ ГРИМАС». Помимо шуточного характера этой затеи, последняя может представить и особый интерес для специалистов, изучающих выразительность человеческого лица. Пришлите нам свою фотографическую карточку в обычном виде и вместе с ней снимок наиболее сильной, – веселой или

грустной, безобидной или смешной, гримасы вашего лица. За лучшие гримасы будут выданы 4 премии. 1-я премия (исключительно для женской гримасы) – 60 руб. 2-я премия – 40 руб. 3-я премия – 25 руб. 4-я премия – 10 руб.[28]

Обратим особое внимание на трогательную попытку редакции расшевелить активность не только мужской, но и женской части аудитории «Синего журнала» – первая премия «исключительно для женской гримасы». Ранее, в 43 номере, специально для прекрасной половины человечества были помещены фотографии В. Дорошевича, А. Н. Толстого, А. Волынского и А. Аверченко с подмонтированными бородами, а также депутата Государственной Думы В. Пуришкевича с подрисованными волосами на голове. К снимкам прилагалась специальная анкета: «Не найдут ли наши читательницы выхода из положения?.. Мы не прочь даже предложить им следующую анкету: 1) Отпускать мужчинам бороды или нет? 2) Кто из приведенных на наших снимках безбородых писателей напрасно лишил себя бороды?»[29] С результатами этого опроса читательницы и читатели смогли ознакомиться в материале «Итак о бородах и усах (К шуточной анкете “Синего журнала”）」, помещенном в его 46 номере за 1911 год[30].

Подведем общие итоги. Символистский «Новый Путь» достаточно агрессивно *воспитывал* своих читателей, детская «Тропинка» *отгораживалась от реального диалога* со сво-

ими читателями, а массовый «Синий журнал», наоборот, *стремился любой ценой расширить контакты* со своими читателями.

Как это было связано с финансовой политикой перечисленных изданий? Насколько выявленные стратегии взаимоотношений «Нового Пути», «Тропинки» и «Синего журнала» с читателями характерны для модернистских, детских и массовых изданий начала XX века в целом? Что можно сказать об эволюции взаимоотношений модернистских, детских и массовых изданий начала столетия с читателями? Какими способами налаживали контакты с читателями специализированные издания начала века, например, модные, кино- и спортивные журналы?

Одна из задач настоящего сообщения как раз и заключается в том, чтобы привлечь внимание коллег ко всем этим и другим увлекательным вопросам, неизбежно возникающим в связи с темой, заявленной в заглавии сообщения.

Примечания

[1] *Перцов П.* «Новый Путь» // Новый Путь. 1903. № 1. С. 2.

[2] Там же. С. 9.

[3] От редакции // Новый Путь. 1903. № 1. С. 154.

[4] *Перцов П. П.* Литературные воспоминания. 1890–1902. М., 2002. С. 280.

- [5] Цит. по: *Лавров А. В.* Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. С. 102.
- [6] Новый Путь. 1903. № 2. С. 135.
- [7] Там же.
- [8] Тропинка. 1906. № 9. С. 427.
- [9] Вероятно, стоит обратить внимание на то обстоятельство, что два из этих трех очерков представляют собой переводы (с немецкого и английского языков) – на страницах детских западных журналов заинтересованные диалоги с юными читателями велись, как минимум, с середины XIX столетия.
- [10] Тропинка. 1906. № 11. С. 533.
- [11] Тропинка. 1906. № 3. С. 137, 149, 151. См. также в зачине этого рассказа: «...читатель может сообразить, что я не обыкновенный, а довольно образованный кенгуру» (Там же. С. 136).
- [12] *Соколов К.* Знакомство с природой // Тропинка. 1906. № 11. С. 538.
- [13] Там же. С. 541.
- [14] При этом, начиная с первого номера за 1906 год, на задней стороне обложки печатался текст, завершающийся приглашением к диалогу: «Редакция открыта для личных переговоров по субботам от 2-х до 4-х часов». Однако этот текст со всей очевидностью предназначался не для маленьких читателей, а для взрослых потенциальных авторов.
- [15] Тропинка. 1906. № 3. С. 164.

[16] Там же. С. 166.

[17] Тропинка. 1906. № 6. С. 331.

[18] Синий журнал. 1910. № 1. С. 1.

[19] Там же.

[20] Синий журнал. 1911. № 2. С. 3.

[21] Синий журнал. 1911. № 14. С. 16. См. также очередное (рекламное) обращение «К читателям!» на обложке предыдущего, 13 номера: «Известные русские писатели в следующем номере “Синего журнала” начинают печатанием свой “коллективный” фантастический роман!»

[22] Синий журнал. 1911. № 16. С. 15.

[23] Синий журнал. 1911. № 21. С. 6.

[24] Синий журнал. 1911. № 24. С. 14. В этом же номере журнала на странице 7 был напечатан «трактат» И. Сидорова (проиллюстрированный рисунками Вл. Лебедева) «Читатель», классифицировавший различные читательские категории.

[25] Синий журнал. 1911. № 37. С. 12.

[26] Синий журнал. 1911. № 44. С. 11.

[27] Синий журнал. 1911. № 48. С. 12.

[28] Там же. С. 11.

[29] Синий журнал. 1911. № 43. С. 13.

[30] Синий журнал. 1911. № 46. С. 14.

2. Пометы неизвестного на книге К. Бальмонта «Будем как солнце»

Изучать эволюцию читательского восприятия поэзии не менее интересно и познавательно, чем исследовать литературную эволюцию [1]. При этом меняется не только угол зрения на историю словесности, но и соотношение изучаемого материала. С глубокой периферии в самый центр исследовательского внимания властно выдвигаются свидетельские показания обычных, не оставивших по себе громкой памяти людей. В первую очередь, их письма и дневники, излагающие впечатления от прочитанного стихотворения, журнальной поэтической подборки, книги лирики...

В этот ряд должны быть включены и содержательные читательские пометы на поэтических сборниках, в особенности же пометы первых читателей, современников авторов стихотворений. У нас речь далее пойдет о пометах неизвестного читателя на программной для раннего символизма книге стихов Константина Бальмонта «Будем как Солнце», вышедшей в 1903 году в московском издательстве «Скорпион». Эти пометы сохранились на экземпляре книги из собрания Российской Государственной библиотеки (шифр 4 39/74). На книге имеются два владельческих экслибриса: «Иванъ Васильевичъ Дьяконовъ» и «Ф. В. Китаевъ». Кто из двух обладателей книги испещрил «Будем как Солнце» многочис-

ленными карандашными пометами (плюс одна помета, выполненная черными чернилами), мы не знаем и, по-видимому, никогда не узнаем. Некоторые пометы, к сожалению, оказались стертыми – не только временем, но и последующими читателями книги Бальмонта. Один из таких позднейших читателей сопровождал интересующие нас пометы (выполненные в соответствии с правилами старой орфографии) собственными саркастическими замечаниями (выполненными по правилам новой орфографии). Эти пометы будут приведены в примечаниях к статье, чтобы наметить, в каком направлении эволюционировало читательское восприятие поэзии старших русских символистов.

В авторе большинства помет на книге «Будем как Солнце» без особого труда опознается типичный читатель конца XIX – самого начала XX века из поколения «отцов», читатель «буренинского» типа (от фамилии известного фельетониста и критика В. П. Буренина). Взращенный на идеалах позитивизма и здравого смысла, он категорически не приемлет мировоззрения и поэтики символистов. Собственно, такого читателя ранние символисты и стремились посильнее раздражить. Единственная помета чернилами, сделанная этим читателем на книге, выразительно иллюстрирует его отношение к стихам Бальмонта. К жанровому подзаголовку «Книга символов» он приписывает: «или точнее – бедламииев».

От краткой характеристики общего абсолютно безоттечного отношения неизвестного читателя к поэзии раннего

русского модернизма перейдем к попытке детально классифицировать способы, посредством которых неизвестный читатель стремится дискредитировать символистскую поэзию.

Первый, самый мягкий из этих способов – ироническая констатация читательского недоумения. Так, к строкам «Ветер, Ветер, Ветер, Ветер, / Ты прекраснее всего!» из стихотворения «Ветер» неизвестный читатель приписывает: «Будто?» (с. 45) [2]. К строкам: «Я вижу Толедо, / Я вижу Мадрид./ О, белая Леда! Твой блеск и победа/ Различным сияньем горит» из стихотворения «Испанский цветок» сделано примечание: «Если Толедо – то причем тут Леда?» (с. 50). А к первой строке стихотворения «Я заснул на распутье глухом...» приписано: «почему же не на кровати?» (с. 99).

Куда более радикальный способ – обличение многочисленных пороков автора «Будем как солнце». Главные среди них таковы:

- *Аморализм*: К строке «Я с нею шел в глубоком подземелье» из стихотворения «Избирательное средство» приписано: «Вот куда черт занес» (с. 182). К строке «И хоть в душе своей, но я его убью» из стихотворения «Я не могу понять, как можно ненавидеть...» приписано: «черта подлая» (с. 199). К строке «Да будут пытки! В этом совершенство» из стихотворения «Освобождение» приписано: «Ну, ну – еще что?» (с. 283).

- *Любострастие*: К первой строке стихотворения «Да, я люблю одну тебя...» приписано: «одну ли?» (с.

157).

- *Хвастовство*: К строке: «Если б вы молились на меня» из стихотворения «Мститель» приписано: «Ишь чего захотел!» (с. 82). Фамилия автора эпиграфа к циклу «Семицветник» – самого Бальмонта, подчеркнута и сопровождается двумя восклицательными знаками (с. 129). А к строкам: «Я сегодня полновластен, / Я из племени богов» из стихотворения «Маятник» приписано: «Вот какая у него родня» (с. 205) [3].

- *Легкомыслие*: К строке: «Я вперед безгласно уходил» из стихотворения «Прозрачность» приписано: «Так сказать<, > опьянев от восторга. Ладно» (с. 123). К строкам: «Нынче “нет”, а завтра “да”. / Нынче я, а завтра ты» из стихотворения «Костры» приписано: «Куда подует ветер» (с. 176).

- *Незнание русского языка*: К слову «ай-да» в строке «Побыл с ней. Ай-да! Домой!» из стихотворения «Враг» приписано: «Это одно слово» (с. 181).

- *Вычурность поэтического языка самого поэта*: Ко всему стихотворению «Два трупа» приписано: «Глупо, потому что не естественно» (с. 184) [4]. К строке «Как стих сказителя народного» из стихотворения «Incubus» приписано: «почему же сказителя? “Словечка в простоте не скажет, все с ужимкой”» (с. 187) [5]. В строке: «Ты была цветок и птица» из стихотворения «Хорошо ли тебе, девица» слова «цветок» и «птица» подчеркнуты, и к ним приписано: «в одно и то же время – вздор», а к строкам: «Твой конец последний

близок, / Ты посмешище и труп» приписано: «Набор пустых созвучий» (с. 220).

Предварительный вывод из всех этих обличений сделан в развернутом примечании неизвестного читателя к стихотворению «Костры»: «Или как говорится в одном старинном стихотворении:

“Какой земной был прочен житель?
Сегодня хлеб ты, я – смотритель,
А завтра оба мы – г. но!” [6]

г..но и вся ваша декадентщина и обезьянья блудливость» (с. 177) [7].

Разумеется, носитель стольких ярко выраженных пороков не мог представляться неизвестному читателю человеком нормальным, поэтому различные вариации диагноза «Безумие» составляют едва ли не основное содержание читательских помет на книге «Будем как Солнце». Так, к строкам «Но себя мы побеждаем / Нашим сном Безбрежности!» из стихотворения «Снежинки» приписано: «Ей-же, ей – рехнулся парень» (с. 42). К строкам «В глухих провалах безрассудства / Живут безумные цветы» из стихотворения «Я любил свое беспутство...» приписано: «Не цветы безумны, а вот такие стихоплеты» (с. 76). В строке «А теперь, угрюмый и больной» из стихотворения «Мститель» слово «больной» подчеркнуто и к нему приписано: «Что правда, то правда» (с.

82). К строке «Рука с рукой, я был вдвоем – один» из стихотворения «Избирательное сродство» приписано: «Один и вдвоем. Раздвоение личности очевидное», а ко всему стихотворению сделано такое почти сочувственное примечание: «Совсем, совсем рехнулся бедный!» (с. 182). К финальной строфе стихотворения «Душа»:

И внешний миг той мысли дан:
Наш мир – безбрежный океан,
И пламя, воздух, и вода
С землею слиты навсегда.

неизвестным читателем досочинена издевательская строка: «А для меня безумного беда» (с. 201). Стихотворение «Маятник» сопровождается таким резюме неизвестного читателя: «Ибо бесконечности нет ни в чем, авось будет конец и бреду Бальмонта» (с. 205). А к строке: «В царстве золотистом и безбурном» из стихотворения «Фра Анджелико» приписано: «Еще немного и отправят тебя, друг, в безбурную обитель на девятой версте» (с. 223).

Нужно, впрочем, заметить, что пометы неизвестного читателя на книге «Будем как Солнце» не сводятся исключительно к негативным констатациям. Целый ряд этих помет призван вразумить заблудшего декадента и указать ему пути возвращения на нормальную литературную дорогу. Так, нелепым с точки зрения неизвестного читателя метафорам и эпитетам из стихотворения Бальмонта «Над болотом» про-

тивнопоставляется простое, как бляенье, детское «бесконечное» стихотворение про овечку: «Ей богу, хоть бы так, и то лучше:

“Через речку мост,
На мосту стоит овечка,
У овечки хвост...”

Все же это картина, а тут какой-то сумбур, “неживые брызги”, “жадность бурь”. Словом, вздор» (с. 185).

Достаточно часто неизвестный читатель пытается исправить или заменить отдельные слова в стихотворениях книги «Будем как Солнце», чтобы получилось яснее и не против правил русского языка. Так, в знаменитой строке «Вот, полуизломаны, лежите вы в пыли» из стихотворения «Придорожные травы» «полуизломаны» исправлено им на «полуизмятые» (с. 107). В строках «И от цветка идя к другому, / Всем – сердце расскажу» из стихотворения «Влюбленные» «расскажу» переправлено на «покажу» (с. 109) [8]. В строках «Дрожит любовь ко мгле – у ног твоих, / Ко мгле и тьме, нежней, чем ласки света» из стихотворения «У ног твоих я понял в первый раз...» «Ко мгле» переправлено на «Во мгле» (с. 163). А в строке «Сознание, что Время упало и не встанет» из стихотворения «Слепец» «упало» заменено на «ушло» (с. 213).

По крайней мере, однажды неизвестный читатель пытается преподать автору «Будем как Солнце» суровый литера-

турный урок: «Ни складу, ни ладу, лучше бы и не трогать то, что лучше рассказать прозой, а не такими безобразными виршами» (о стихотворении «Скорбь Агурамазды») (с. 227). И один раз – урок нравственный. К первой строке стихотворения Бальмонта «Еще необходимо любить и убивать...» неизвестный читатель делает такую нравоучительную приписку: «Любить необходимо, но убивать не только не следует, но и позорно» (с. 219).

Остается только догадываться, с каким чувством наш неизвестный читатель спустя десятилетие знакомился (если знакомился) с поэзией авангардистов – раннего Маяковского, Велимира Хлебникова, Игоря Северянина... Маловероятно, хотя, впрочем, возможно, чтобы к этому времени его восприятие модернистской поэзии было закалено, перестроено и воспитано чтением старших русских символистов.

Примечания

[1] Сошлемся здесь на две работы, актуализированные для современного литературоведения Р. Д. Тименчиком: *Белецкий А.* Об одной из очередных задач историко-литературной науки // Белецкий А. Избранные труды по теории литературы. М., 1964; *Вихлянец В.* Проблема изучения читателя. Читатель пушкинской поры (предварительные заметки) // Историко-литературные опыты. Иркутск, 1930. Ср.: *Тименчик Р. Д.* Азы и узы комментария // *The Real Life of*

Pierre Delalande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. Part 1. Stanford, 2007. P. 184.

[2] Здесь и далее цитируем по экземпляру книги «Будем как Солнце» из собрания РГБ с указанием номера страницы в основном тексте статьи, в круглых скобках.

[3] Неизвестный читатель не распознает тут реминисценции из «Недоноска» Е. Баратынского: «Я из племени духов / Но не житель Эмпирея».

[4] К этому примечанию читателем советского времени сделана приписка: «естественность – враг таланта, тем более – гения» (с. 187).

[5] Неизвестный читатель цитирует реплику Фамусова («Горе от ума», действие II, явление 5).

[6] Неизвестный читатель цитирует стихотворение «Говно. Ода», приписываемое П. В. Шумахеру. См. его текст, например в сборнике: Между друзьями. Смешные и пикантные шутки домашних поэтов России. <Лейпциг>, 1883.

[7] К слову «г. но» читатель советского времени приписывает: «автор этих строк – бесспорно» (с. 177).

[8] Читатель советского времени это исправление зачеркивает и сопровождает его следующим примечанием: «Какой это оборот стремится поучать гения?» (с. 109).

3. Некто читает Кузмина

Цель нашей третьей заметки отчасти сходна с целью второй – проанализировать читательские пометы, на этот раз – на втором издании романа Михаила Кузмина «Плавающие и путешествующие». Оно было по случаю приобретено в одном из петербургских букинистических магазинов в начале двухтысячных годов. Помет на книге довольно много, что было, по-видимому, спровоцировано как бы приглашающими читателя к сотворчеству пустыми, не заполненными словами строками, которые маркировали фрагменты романа, не пропущенные цензурой. В эти пустоты наш читатель и вписал часть своих «дополнений» к тексту Кузмина. Отыскиваются, впрочем, в книге и вполне традиционные пометы на полях, а также поверх строк и под строками.

В отличие от ненавистника декадентов – читателя книги стихов Бальмонта «Будем как Солнце», живший в пореволюционную эпоху читатель «Плавающих и путешествующих», без сомнения, ощущал себя абсолютным единомышленником Кузмина. Более того, брезгливое и презрительное отношение к женщинам, которое в кузминском романе часто иронически мерцает, но почти никогда прямо не высказывается, в пометах неизвестного читателя проявляется не просто отчетливо, а с несколько даже комическим нажимом.

Если у Кузмина героиня заявляет: «У меня было пятьде-

сят шесть любовников (с. 20) [1], то наш читатель исправляет на: «У меня было двести любовников». К кузминской фразе: «...и схватив Лелечку за обе руки, начала восторженно» (с. 30) прибавляется: «с привычкой заправской сводницы» (с. 30). Сходным образом продолжен еще один фрагмент романа. К реплике: «—Ах, милая, я вас так понимаю! – воскликнула гостя и снова принялась тискать хозяйку в объятьях» (с. 38) прибавлено: «как профессиональная сводница, содержательница притона свиданий, завербовывая для своего заведения подходящий “товар”». Реплику: «Притом она – не свободна, она замужем» (с. 45) наш читатель, не мудрствуя лукаво, просто выворачивает наизнанку: «Притом она свободна, потому что замужем». К предложению: «Она помнила только, что накануне обещала Лаврентьеву встретиться с ним в Летнем саду и куда-нибудь поехать» (с. 49) приплюсовано: «пока муж на службе». К описанию: «Лицо последнего выражало влюбленность и недоумение» (с. 50) прибавлено: «Как у всякого влюбленного дурака...». Рядом с предложением: «—Непременно, непременно, – страстно прошептал Лаврентьев: – я не знаю, как доживу до послезавтра» (с. 54) на полях сделана сочувственная пометка: «Бедняга!». В один из цензурных пробелов вписано следующее суждение нашего читателя о женщинах: «...есть ли у них вообще понятие о “чести”, а о целомудрии тем более. Эту заботу они оставляют доверчивым мужьям» (с. 64). Слова: «Лаврик потребовал от нее более осязательных доказа-

тельств любви» (с. 73) дополняются сентенцией: «В общем природа женщины подсказала ей, что она может отдаться и по обязанности жены и за деньги, и за первое ласковое, хотя бы и фальшивое слово, пожатые руки, а то и просто “так”». К обидчивой фразе героини: «—вы кажется хотите, чтобы я стала официально вашей любовницей» (с. 81) прибавлено легкомысленное: «неофициально можно валяться на чужой кровати, сколько влезет». Ее же утверждение: «С меня совершенно достаточно того мужа, который у меня есть» (с. 84) сопровождается на полях «недоверчивыми» знаками препинания: «?!» К замечанию героя: «И потом... я не имею права судить Елену Александровну» (с. 95) приписывается горестное: «Колпак!». Наконец, фраза героини: «Я — лживое создание, как все женщины!» (с. 213) сопровождается торжествующим: «Сама признала! Совершенно верно!».

Читатель «Плавающих и путешествующих» пользуется любым удобным случаем, чтобы противопоставить отвратительному «женскому» прекрасное «мужское». Проследим, например, как им «редактируется» следующий фрагмент романа: «Елена Александровна оказалась неистощимой в изобретении намеков, иронии, издевательств и, просто, приди-рок, иногда достаточно грубых, но всегда оказывавших должествующее действие на более непосредственного, а может быть, более ленивого и влюбленного по уши Леонида Львовича» (с. 145). В целях достижения прекрасной ясности наш читатель вставляет в зачин этого фрагмента уточняющую

микрострукцию: «Елена Александровна, *как женщина*, оказалась способной...», а весь фрагмент сопровождает глагомысленным примечанием: «Мужчина в таких случаях способен крепко молчать... до времени».

Очень часто читатель «Плавающих и путешествующих» спешит простодушно договорить за автора мысль, на которую тот лишь тонко (или не очень тонко) намекает. Так, ознакомившись с внутренним монологом героини: «А занятно, как бы это лицо изменилось, если бы Лелечка согласилась, захотела бы? Больше всего он похож на щенка легавого» (с. 54), читатель переправляет точку на запятую и очень грубо, но логично развивает кузминскую образность: «...в первый раз ухаживающего за сукой».

Что у Кузмина на уме, то у его читателя на языке. Сделав этот вывод, можно было бы и остановиться, если бы не одно интересное обстоятельство, неожиданно сближающее ненавистника Бальмонта (читателя книги «Будем как Солнце») и обожателя Кузмина (читателя романа «Плавающие и путешествующие»): оба они активно пытались исправлять стилистические «погрешности» своих авторов, опираясь на нормы современного им русского языка.

Напомним, что читатель Бальмонта в знаменитой строке «Вот, полуизломаны, лежите вы в пыли» из стихотворения «Придорожные травы» «полуизломаны» исправляет на «полуизмятые». В строках «И от цветка идя к другому, // Всем – сердце расскажу» из стихотворения «Влюбленные» он «рас-

скажу» переправляет на «покажу». В строках «Дрожит любовь ко мгле – у ног твоих, // Ко мгле и тьме, нежней, чем ласки света» из стихотворения «У ног твоих я понял в первый раз...» он «ко мгле» дважды переправляет на «Во мгле». А в строке «Сознание, что Время упало и не встанет» из стихотворения «Слепец» глагол «упало» читатель Бальмонта заменяет на «ушло».

Читатель романа «Плавающие и путешествующие» неодобрительно подчеркивает эпитет «ажитированным» в словосочетании «ажитированным шепотом» (с. 37). Кузминское словцо «сан-фасонщик» он сопровождает знаками «?!!» (с. 145). Знак вопроса наш читатель поставил и возле слова «трепыхании» во фрагменте: «а о вздорном трепыхании Полины смешно было и вспоминать» (с. 215).

Куда более любопытными представляются достаточно многочисленные примеры пуристских стилистических правок читателем «Плавающих и путешествующих» тех мест романа, которые как раз и позволяют исследователям говорить о неповторимом своеобразии прозы Кузмина.

Приведем несколько примеров. Кузминскую характеристику: «Лаврик был мальчиком живым, беспечным, веселым, и ничего не хотел делать» (с. 9) наш читатель заменяет на: «Лаврик был мальчик живой, беспечный, веселый, ничего не хотел делать». В предложении: «Виновник беспокойств этой дамы молча и капризно пил кофе (с. 9)» вычеркивается слово «капризно» (логика: можно ли пить кофе «каприз-

но»?) Кузминское: «...крайне молодым человеком» (с. 10) заменяется на: «...очень молодым человеком». Кузминское: «...сделался розовее розовой обивки кресла» (с. 11) – на: «...сделался ярче розовой обивки кресла». Фраза: «И Лаврик ринулся бегать по комнате» (с. 11) заменяется стилистически более гладкой: «И Лаврик начал бегать по комнате». В предложении: «Там не было никаких доказательств тревоги» (с. 240) слово «доказательств» заменяется на «заметных признаков». В микрофрагменте: «...они только что приняли веселую и радостную ванну» (с. 248) эпитет «веселую» заменен на «освежающую» (логика: может ли быть ванна «веселой»?). В предложении: «...Елена Александровна, не совсем знавшая, как себя держать, но тоже как-то примиренная и устроенная, и ждала с минуты на минуту, что сейчас спустится Леонид, тоже с отблеском бодрого и стройного письма» (с. 248), характеристика «устроенная» (Елена Александровна) превращается в «успокоенную», а «стройного письма» – в «спокойного».

Изрядное упорство пришлось проявить добровольному редактору «Плавающих и путешествующих», работая со следующим фрагментом романа: «...словно густой облак опустился на затоны. Он мешал громко и весело разговаривать, затруднял дыхание, и даже казалось делал недоступным взгляду весь пейзаж» (с. 240). Переправление нашим читателем экзотического, хотя и встречавшегося иногда в русской поэзии XVIII–XIX веков существительного «облак» на

привычное всем «облако» потребовало от него дальнейшего исправления всех глаголов прошедшего времени, к этому существительному относящихся. Глагол «мешал» был заменен на «мешало», «затруднял» на «затрудняло», а «делал» на «делало».

Возвращаясь в заключение третьей заметки к самому ее началу, отмечу, что взгляд на текст глазами читателя в некоторых случаях позволяет не только проследить за эволюцией восприятия творчества того или иного автора, но и выделяет для исследователя своеобразным курсивом существенные особенности стилистической манеры этого автора.

Примечания

[1] Здесь и далее роман цитируется по изданию: *Кузмин М.* Собрание сочинений. Т. VI. Пг., б. г.

4. «Автора тошнит стихами по всякому поводу» (И. Ильин читает А. А. Блока)

Пометам философа на томах берлинского собрания сочинений поэта 1923 года посвящена обстоятельная статья И. В. Овчинкиной «И. А. Ильин – читатель А. Блока» [1]. Добросовестно процитировав многие нелицеприятные высказывания Ильина о Блоке, исследовательница завершает свою работу следующим развернутым выводом: «И. А. Ильин не увидел глубочайшей трагедии А. Блока, катастрофичности того бытия, от которого он в буквальном смысле слова сходил с ума, проигнорировал его дар, глубокую лирическую исповедальность и абсолютную обнаженность. Но И. А. Ильин справедливо оценил духовную пропасть, в которую соскользнул Блок и многие его современники <...> В свое время И. П. Полторацкий, ученик И. А. Ильина и хранитель его архива в Мичиганском университете (Ист-Лансинг), сказал: “В самом деле, как бы ни относиться к тем или иным исходным установкам и аналитическим суждениям и критическим выводам Ильина... Ильину-критику невозможно отказать в безупречном знании предмета, острой психологической наблюдательности, формально-эстетической крепости, духовной независимости и религиозно-философской глуби-

не». Обзор маргиналий И. А. Ильина и его отдельных высказываний о А. Блоке еще раз это подтверждает» [2].

Признаюсь сразу: мое впечатление от маргиналий Ильина на полях блоковских стихотворений решительно отличается от впечатлений его исследовательницы и его ученика. Попробую подойти к формулированию этого впечатления, используя, как вешки на пути, те ильинские пометки на произведениях Блока, которые остались в статье И. В. Овчинкиной не процитированными [3].

Начну с того, что ни «безупречного знания предмета», ни «острой психологической наблюдательности», ни «формально-эстетической крепости», ни «духовной независимости», ни, уж тем более, «религиозно-философской глубины» замечания Ильина на полях блоковских стихов, увы, *не* демонстрируют. Зато в них в полной мере реализовалось мелочное стремление во что бы то ни стало усть Блока, поймать его на стилистических ошибках, а еще лучше – на моральной неразборчивости.

Часто это приводит к комическим эффектам: подчеркивания и пометки Ильина порою напоминают подчеркивания в библиотечных книгах, делаемые теми несчастными читателями, которые любой ценой стремятся выискать в этих книгах «неприличие».

Так, в стихотворении «Из хрустального тумана...» Ильин подчеркивает фрагмент:

Чтоб на ложе долгой ночи
Не хватило страстных сил!

(С. 15)

В стихотворении «Двойник» его повышенного внимания удостаиваются строки:

(О, миг непродажных лобзаний!
О, ласки не купленных дев!)

(С. 15)

В стихотворении «На островах» он отчеркивает финал строки:

Две тени, слитых в поцелуе.

(С. 22),

а также строки:

И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в холодные меха...

(С. 22)

В стихотворении «Демон» внимание Ильина приковывают образы:

О сон мой! Я новое вижу
В бреду поцелуев твоих!

(С. 26),

а в стихотворении «Унижение» он подчеркивает «неприличное» слово «кровать»:

В жолтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...

(С. 30)

Над заглавием этого стихотворения Ильин сделал «пояснительную» пометку: «В доме свиданий» (С. 29) [4], но этого ему показалось мало, и он сопроводил финал стихотворения еще одним примечанием: «В публичном доме» (С. 30).

В стихотворении «Старый, старый сон: из мрака...» Ильин подчеркнул строку:

Проститутка и развратник...

(С. 37)

И так далее, и тому подобное.

И. В. Овчинкина в своей статье справедливо указывает на «полное отождествление» в пометах Ильина «лирического героя» произведений Блока с самим поэтом. Закономерным следствием подобного отождествления становятся чрезвычайно упрощенные трактовки Ильиным блоковских стихотворений и фрагментов стихотворений.

Так, словосочетание «стареющий юноша» из блоковского «Двойника» Ильин сопровождает пометкой «сам» <автор> (С. 15).

К стихотворению «Как тяжело ходить среди людей...» он делает примечание: «Это о себе – стыдно» (С. 27).

В стихотворении «Повеселясь на буйном мире...» Ильин подчеркивает зачин:

Повеселясь на буйном пире,
Вернулся поздно я домой...

и делает к этим строкам пометку «NB» (С. 252), видимо, вполне всерьез подозревая Блока в склонности к «веселью» на «буйных пирах».

Точно такой же пометкой Ильин сопровождает строку «Я ухожу, душою праздный» из стихотворения «Под шум и звон однообразный...» (С. 12).

Вполне предсказуемо Ильин обводит кружком и сопровождает неодобрительным знаком вопроса два финальных

слова в знаменитой блоковской строке «О, Русь моя! Жена моя!» (С. 224).

Не скупится он на пометы, обличающие «антихристианскую» сущность поэзии Блока.

Так, строку:

И когда ты смеешься над верой...

из стихотворения «Муза» Ильин снабжает значком «NB» (С. 11).

В стихотворении «Унижение» отчеркнута строфа:

Ты сумела! Так еще будь бесстрашной!
Я – не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце – острый французский каблук! —

и к ней сделано негодующее примечание: «ангел!» (С. 30).

А в примечании к следующей строфе из стихотворения «Говорит смерть»:

Когда осилила тревога,
И он в тоске обезумел,
Он разучился славить Бога
И песни грешные запел...

Ильин «остроумно» играет словами: «обезумел, а умел ли?» (С. 51). Видимо, в этом и подобных ему примечаниях,

вроде возмущенного – «Восприятие Светлой Заутрени» (С. 85) [5], нам и предлагается увидеть «религиозно-философскую глубину» Ильина – читателя Блока.

Удивительными кажутся эстетические и стилистические претензии Ильина к Блоку, особенно если учесть, что все они формулировались после 1923 года, то есть в то время, когда не только символистская, но и постсимволистская поэтика была усвоена большинством культурных читателей.

Так, к блоковскому стихотворению «День проходил, как всегда...», написанному вольным трехсложником с переменной анакрусой, Ильин делает возмущенное примечание: «И это стихи?» (С. 48) [6], не забывая, впрочем, предъявить поэту и этическую претензию – близ строки «Слишком светлые мысли» красуется помета: «?! Ну уж нет!» (С. 49).

Следующий микрофрагмент из стихотворения «Двойник»:

А ты-то, вернешься ли ты?

сопровождается пометой: «Проза» (С. 15). Примечание: «?! Безвкусная проза» сопровождает и строку «Срывая для карьеры лязг костей» из стихотворения «Как тяжело мертвецу среди людей...» (С. 33).

В стихотворении «Когда невзначай в воскресенье...» Ильин подчеркивает строку:

Глазищи обмызганный кот,

а сбоку мотивирует это подчеркивание, безглаголиво повторив блоковское словосочетание: «обмызганный кот» (С. 46), то есть упрекнув поэта во всем том же пристрастии к «прозе».

Примечанием «Проза» сопровождаются и строки:

Нажми рукою свод покрепче,
И камень будет отвален...

из стихотворения «Сон» (С. 125).

Ко всему стихотворению «Идут часы, и дни, и годы...» делается помета: «Непонятно!» (С. 29).

Простейшую метафору «фиалки глаз» из стихотворения «Авиатор» Ильин снабжает знаком вопроса и негодующим восклицанием: «фиалки!» (С. 32).

К чрезвычайно внятной строке из стихотворения «Под шум и звон однообразный...»:

Я обрываю нить сознанья...

Ильин делает придирчивое примечание: «Неточно» (С. 12), более подробно свое недовольство не объясняя.

Двумя недоуменными знаками вопроса сопровождаются следующие строки из блоковской «Музы»:

И коварнее северной ночи, <?>
И хмельней золотого Аи, <?>

(С. 12)

В стихотворении «Вновь богатый зол и рад...» Ильина не устраивает намеренная рифмовка Блоком однокоренных существительных. Строки:

Каменных отвесов
Черноту навесов...

он сопровождает пометкой: «Слабо» (С. 37).

Рядом со стихотворением «Вновь богатый зол и рад...» Ильин делает общее глубокомысленное замечание о рифмах Блока: «К смыслу цепляется по рифмам<,> а не рифмы куются смыслом» (С. 38).

В стихотворении «Черная кровь» Ильина не устраивает синтаксис. К строке:

Ширится круг твоего мне огня...

он делает приписку: «слабо» (С. 52).

В строке «А мертвеца – к другому безобразью» из стихотворения «Как тяжело мертвецу среди людей...» «зь» обведено в кружок; Ильину казалось недопустимым заменять даже в поэтическом тексте существительным «безобра-

зь» существительное «безобразие» (С. 34). Сходным образом, в строке «Я слепнуть не хочу от молнии грозовой» из стихотворения «О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой...» в кружок обведено существительное «молнии» (С. 54).

В стихотворении «В тихий вечер мы встречались...» таким же кружком обведена приставка «раз» в строке «Раздушенный ваш платок» (С. 169). Ильин, очевидно, хотел бы, чтобы вместо необычного «раздушенный» Блок воспользовался привычным: «надушенный».

В строке «Чтоб не даром биться с татарвою» из стихотворения «Мы, сам-друг, над степью в полночь встали...» Ильин обводит кружком слово «татарва» и сопровождает его знаком вопроса (С. 226). Вероятно, эстетическая претензия (грубое слово) совмещается здесь с этической (грубое слово, употребленное по отношению к целому народу).

Этот упрек, сделанный Ильиным, смотрится более чем неожиданно, ведь не кто иной, как он сам некоторое время спустя опубликует в парижской газете «Возрождение» от 17 мая 1933 года оправдывающую нацизм статью «Национал-социализм. Новый дух. I», которая завершается следующим образом: «Дух национал-социализма не сводится к “расизму”. Он не сводится и к отрицанию. Он выдвигает положительные и творческие задачи. И эти творческие задачи стоят перед всеми народами. Искать путей к разрешению этих задач обязательно для всех нас. Заранее осмистывать чужие попытки и злорадствовать от их предчувствуемой

неудачи – неумно и неблагородно. И разве не клеветали на белое движение? Разве не обвиняли его в “погромах”? Разве не клеветали на Муссолини? И что же, разве Врангель и Муссолини стали от этого меньше? Или, быть может, европейское общественное мнение чувствует себя призванным мешать всякой реальной борьбе с коммунизмом, и очистительной, и творческой, – и ищет для этого только удобного предлога? Но тогда нам надо иметь это в виду...»

Иногда, впрочем, Ильин совсем не утруждает себя аргументацией, а попросту отрубает: «Пустословие с претензией на красоту» (С. 93). И это сказано о блоковской «Равенне»!

Отчасти сходным образом стихотворение «Искусство – ноша на плечах...» Ильин сопровождает презрительной пометой: «Игорь Северянин», а затем все же мотивирует свою ассоциацию: «Блок и Северянин —> «поэты пошлости» (С. 107).

Процитируем также замечание Ильина о стихотворении Блока «Флоренция»: «Автора тошнит стихами по всякому поводу. Лишь бы рифмы страсти и усовать!» (С. 100) – в этом грубом резюме обыгрывается строка из блоковского стихотворения «Поэты»: «Под утро их рвало» [7].

Итак, львиная доля помет Ильина на книге Блока отнюдь не изобличает в нем философа, пусть иногда он и пользуется «умным» философским жаргоном: «Худ<ожественный> образ не выдифференцировался из общераспутного тумана».

на» (С. 159) [8], или: «Все это к истории и симптоматологии личной эротики Блока, не более» (С. 150) [9], etc.

Восприятие Ильиным блоковского творчества на удивление совпадает с восприятием поэзии русских символистов консервативными отечественными читателями-обывателями конца XIX – начала XX века, то есть читателями из поколения отца или, в крайнем случае, старшего брата философа, но отнюдь не его самого.

Характер и тон ильинских претензий к Блоку напоминает характер и тон упреков, которые неизвестный читатель из первой заметки обрушил на стихи из книги Бальмонта «Будем как Солнце» до почти полного совпадения. Как и читатель книги «Будем как Солнце», Ильин демонстрирует свое недоумение от стихов поэта-символиста, испещряя их ироническими пометами. Как и читатель Бальмонта, Ильин обвиняет Блока в аморализме, любострастии, легкомыслии, безумии и плохом знании русского языка. Пожалуй, только горькие упреки в религиозном цинизме радикально отличаются Ильина от читателя книги «Будем как Солнце».

Завершить четвертую заметку я хотел бы тремя оговорками, к каждой из которых, придется, однако, приплюсовать свое «но».

Во-первых, пометы Ильина делались, так сказать, в рабочем порядке, и печатать их он не собирался. Но печатные ильинские высказывания о Блоке и его современниках содержательно и стилистически немногим отличаются от при-

веденных мною помет [10].

Во-вторых, Ильин не только ругал Блока, а изредка и хвалил. *Но* эти похвалы смотрятся не намного лучше, чем хулы. «Все это хоть немножко связно», – написал он рядом со стихотворением «Ночь как ночь, и улица пустынна...» (С. 68), – и это был предел ильинской доброжелательности и толерантности.

И, наконец, в-третьих, в своем отношении к стихам Блока и других модернистов Ильин не был одинок, сходные высказывания о них с легкостью отыскиваются, например, в статьях, мемуарах и дневниковых записях И. А. Бунина. *Но* ведь Бунин-то, действительно, был много старше Блока и других младосимволистов, XX век он встретил тридцатилетним и уже вполне сложившимся писателем.

Ильину же в 1900 году исполнилось всего лишь 17 лет, он был только на три года старше того поэта, на полях стихотворений которого он оставил неумные, свидетельствующие о полной эстетической глухоте маргиналии.

Примечания

[1] *Овчинкина И. В.* Ильин – читатель А. Блока // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей. М., 2013. С. 235–260.

[2] Там же. С. 259–260.

[3] В ряде случаев я все же цитирую пометы Ильина на

полях стихотворений А. А. Блока, опубликованные не мною, а И. В. Овчинкиной. Каждый раз это специально оговаривается. Остальные пометы приводятся мною по изданию: *Блок А. А. Собрание сочинений*: в 9-ти тт. Т. 3: Стихотворения. Книга третья. 1907–1916. Берлин, 1923, с указанием номера страницы в круглых скобках. Этот том, выпущенный издательством «Алконост», ныне, как и вся библиотека Ильина, хранится в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова. За возможность поработать с книгами из библиотеки Ильина приношу глубокую благодарность А. Л. Лившицу.

[4] Ср.: *Овчинкина И. В. Ильин – читатель А. Блока*. С. 251.

[5] Речь идет о зачине стихотворения Блока «Не спят, не помнят, не торгуют...»:

Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую
Торжественный пасхальный звон.

(С. 85)

[6] Сходной пометой («Это поэзия?») Ильин сопровождает стихотворение «Вот девушка, едва развившись...», написанное свободным стихом (С. 104). Помета приведена в статье: *Овчинкина И. В. Ильин – читатель А. Блока*. С. 252.

[7] Ко всему этому стихотворению Ильин делает такую

пому: «Не поэты, а пьяные болтуны» (С. 120).

[8] Поеа приведена в: *Овчинкина И. В.* Ильин – читатель А. Блока. С. 251.

[9] Там же. С. 249.

[10] Почти все они процитированы в статье Овчинкиной.

Баратынский и старшие модернисты. Попытка обобщения²

Как и любая другая эпоха, эпоха русского модернизма искала и находила в крупных культурных явлениях прошлого близкое себе, опираясь на *старое*, доказывала легитимность и прочность *нового*. Следовательно, взглянув на Баратынского глазами поэтов Серебряного века, мы получим возможность распознать в складывающемся изображении еще один автопортрет модернистской эпохи: «сопоставление символистов и Баратынского» «не только может помочь нам уяснить какие-то стороны в Баратынском, но и снабдить нас некоторыми данными для суждения о сущности самого символизма как этапа нашего литературного и культурного развития» [1].

Нужно только все время помнить: поэзия Баратынского куда больше, чем, скажем, Александра Полежаева или даже Николая Некрасова, годилась для того, чтобы послужить почти идеальным «подмалевком» коллективного автопортрета модернистской эпохи. Русские символисты и их последователи *действительно* открыли в Баратынском нечто важное, до тех пор ускользавшее от взгляда критиков и историков

² Работа написана при участии М. Гельфонд. В цитатах мы сохраняем авторское написание фамилии «Баратынский» (или «Боратынский»). – О. Л.

литературы.

Сказанное вдвойне справедливо в отношении первых русских модернистов, которые не только были эгоцентрически сосредоточены на себе, но и целенаправленно стремились занять прочное место на литературной карте 1890-х – начала 1900-х гг. Именно на период их поэтического становления пришлись 50-тая годовщина смерти Баратынского (1894 г.) и 100-тая – рождения (1900 г.), то есть ключевые и традиционные даты юбилейных речей, статей и книг, издания научно подготовленных собраний сочинений, первых приложений к имени эпитета «великий», открытия мемориальных комплексов и проч. При этом старшие символисты отвоевывали Баратынского если не у полного забвения, то уж точно у твердо устоявшихся еще со времен В. Г. Белинского представлений об авторе «Сумерек» как о второстепенном, неактуальном поэте. «Можно решительно свидетельствовать, что почти вплоть до последнего десятилетия, среди умов, судивших о значении русских писателей, не нашлось никого, кто бы обнаружил полное понимание личности и мыслей Баратынского, – со знанием дела утверждал Иван Коневской в 1899 году. – И вообще-то, охоту обсуждать его творчество проявляли очень немногие» [2]. Сходно с ним в том же году высказался товарищ Валерия Брюсова по гимназии, поэт Александр Миропольский (Ланг), обвинив в сложившемся положении вещей нерасторопных книгопродавцев: «Сочинения Баратынского хотя и были в продаже, но в книж-

ных лавках можно было получить лишь Суворинское издание (Дешевая библиотека), неполное и на плохой бумаге. Издание Казанское 1884 г. с вариантами лежало где-то в складе, а в книжных магазинах его не было (букинисты продавали по возвышенной цене). Впрочем, и это Казанское издание не полно. Полнее других издание “Севера”, но оно в продажу не поступало» [3].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.